

ЛИК ДРАКОНА

Сов. культура. - 1989. - 24 окт. - С. 5

КОНТАКТЫ - С. 5

С. 5

В круге света, выхваченном острым лучом прожектора из темноты сцены Московского театра-студии на Юго-Западе, извиваются три юношеские фигуры — головы погубленного Дракона. С губ срываются знакомые слова: «Ты мне хвост цовал при встрече! Где же вы все? Дайте воды!», лишь звучат они по-английски. На сцене студенты-актеры Иллинойского университета, поставившие в Чикаго пьесу по сказке Е. Шварца «Дракон». Сказка, которая могла возникнуть в «одной отдельно взятой» стране в определенный день и страшный час, вдруг доказала нам, что она не только вечна, как всякая сказка, но и общечеловечна.

«Метафоричность пьесы делает ее универсальной, — говорит нам за кулисами во время короткого антракта, жадно отхлебывая из бутылки «Тархун», Шарлемань по пьесе, Даниел Парент по жизни, — такая ситуация могла сложиться не только в сталинской России или гитлеровской Германии. Это может повториться в любой момент в любой стране». Постепенно к нашему разговору присоединяются другие члены труппы. Актеры не выглядят усталыми, хотя каждому приходится играть по несколько ролей и выступать в массовых сценах, перевоплощаясь буквально на наших глазах. Спрашиваем, что же для них, американцев, означает Ланцелот? — отважный рыцарь круглого стола, романтический герой, борющийся со злом в эпоху короля Артура, а в сказке Шварца убивающий Дракона и несущий свободу жителям города. «Горбачев», — не задумываясь, говорят в ответ наши собеседники.

«Дракон ужасен не оттого, что наводит страх на жителей, а, главное, потому, что заставляет быть всех людей одинаковыми», — вставляет Бургомистр — Давид Ортега.

Эту мысль, пронизывающую весь спектакль, подчеркивают и костюмы, придуманные художницей Ларисой Уромовой: одноцветные рубахи и кальсоны делают персонажей похожими на обитателей некоего лагеря, живущих в постоянном страхе нападения извне. Намек? Иллюзия? Увы, недавняя реальность.

Поставить в Чикаго пьесу иностранного автора, лишенную всякого виньетки «русского» национального колорита, — довольно рискованное предприятие. Однако смелость была вознаграждена успехом. Американцам, как видно, пришлось по душе не только игра актеров, но и экспрессивный, взрывной, постоянно балансирующий на грани аффекта и истерики стиль режиссуры Валерия Беляковича.

Сидим с Валерием в пустом подвале кафе-студии. Он с удовольствием вспоминает свою работу в Чикаго. Режиссер жует бутерброд и продолжает мысль: «...работать с американцами было нетрудно. От нас они отличаются ровно настолько, насколько наш взгляд на жизнь отличается от их. Это накладывает свой отпечаток на личность, но как артисты они ничем не отличаются от наших. Разве что более раскованные. Меньше смакуют страдания на сцене — это все-таки наш колорит...».

«Домой не хочется...», — вспомнилась реплика Ланцелота — Дэйва А. Кэйса, брошенная перед самым его выходом на сцену. «Мы здесь совершенно не чувствуем себя в гостях. Наверное, оттого, что работаем вместе с советскими...».

Спектакль идет в бешеном ритме. Музыку «Пинк Флойд» сменяют бьющие по нервам сцены появления Дракона — во вспышках стробоскопа мечутся в замкнутом пространстве горожане,

Огромные тени, изломы рук и ног, изгибы скрыченных тел, словно в приступе эпилепсии, — все вместе это дает ощущение пронизывающего, словно осенняя сырость, страха, который рождается в вас, вместе с вами. Возникнув вроде бы ниоткуда, он гложет вас до самой смерти.

Представление окончено. Главный режиссер и педагог УИЧ Театра Уильям Ф. Раффелд прячет довольную улыбку в серебристую бороду. Потом произносит: «Мы уже работаем над следующим совместным спектаклем. Что это — пока говорить не буду: пойте за нас. Надеемся увидеть отличных профессионалов — студийцев с Юго-Запада у нас в Чикаго в самое ближайшее время».

В. ЖУРАВЛЕВ,
К. СЕГУРА.

● Сцена из спектакля. Кот — Л. Волтер
Стерис, Ланцелот — Дэйв А. Кэйс.

Фото В. Злобича.